

премьера

ангелы встали на лыжи

Псой Короленко исполняет Моцарта по-русски

Газета — 2004 — 5 февр. — с 15.

Илья Овчинников

«Издевались взрослые над детками, / И они у них работали салфетками...» — именно так звучит одна из песен Псой Галактионовича Короленко, «молодежного филолога и акына». Псой известен прежде всего как шансонье (речь не о русском шансоне); тем труднее представить себе Короленко поющим одну из партий в опере Моцарта «Волшебная флейта». Премьера спектакля состоится завтра в театральном центре «На Страстном».

Лет пятнадцать назад Юлий Ким написал «Московские кухни» — пьесу о диссидентах. Один из ее героев, находясь в исправительно-трудовом лагере, вдруг понял, что Моцарт — русский композитор: оказалось, его музыка прекрасно подходит тоскливой тюремной песне. Видимо, так же считают авторы русской версии оперы «Волшебная флейта» Мария Степанова, Псой Короленко, Игорь Эбаноидзе, Катя Поспелова. В их вольном переводе на музыку Моцарта отлично легли и «Свет мой, зеркальце, скажи», и «Молчи, скрывайся и тай», и «Час веселья, верь, настанет».

Среди персонажей новой «Флейты» на языке оригинала поет лишь чужестранец Тамино, и то примерно половину слов: попав в таинственную северную страну, по ходу сюжета он постепенно осваивает ее язык. Остальные герои поют по-русски; «наивный» колорит перевода, изобилующего реминисценциями из нашей жизни и литературы, выгодно отличает новую постановку от большинства западных опер, прошедших «русификацию». Текст практически лишен высокопарности, присущей опере как таковой, а отдельные шероховатости обусловлены скорее особенностями авторского стиля, нежели трудностями перевода. Так, например, перед встречей с чертом вертепщик Папагено поет:

Бреду... Куда ж нам плыть?
Пора остановиться.
Хочу я здесь побыть...
Ну прямо мой вертеп,
Знакомые все лица!

Свободный подход к моцартовскому шедевру пошел на пользу не только тексту оперы, но и ее сюжету. Среди существующих на свете опер и балетов «Волшебная флейта» занимает одно из первых мест по числу сюжетных несуразностей, однако их стало куда меньше в результате ряда коррективных сокращений. В результате сюжет о том, как Тамино спас любимую от святоши Зарастро, а Папагено оживил героев своего вертепа и нашел вторую половину, стал чуть более «линейным» и правдоподобным. Представление начи-

нается с первой сцены, без увертюры — она звучит в записи, пока зрители занимают места. Это сразу же обозначает масштаб происходящего, далекий от «большого оперного стиля» и напоминающий скорее лучшие постановки Камерной оперы Бориса Покровского, — неслучайно постановка осуществлена в рамках Маленького мирового театра.

Масштаб задает и маленький оркестр «Академия старинной музыки» под управлением Татьяны Гринденко: переходя ко второй сцене, музыканты как будто сбиваются и вместо Моцарта играют нечто медитативное в духе собирательного Шнитке-Канчели-Пярта. Нехитрый намек на то, что спектакль не будет похож на все остальные «Волшебные флейты» и окажется полон сюрпризов, еще и говорит об актуальности поставленных в опере проблем. По крайней мере ангелы и черти сегодня ничуть не менее современны, чем во времена Моцарта, а главное, абсолютно достоверны. Моностапка-черт тем более убедителен, что исполняющий эту партию Псой Короленко — единственный среди солистов, у кого нет «оперного голоса»: черту необязательно быть демонической фигурой, куда больше ему подходят хриплый голос и плутоватые ужимки.

Более всего в спектакле трогательны ангелы в исполнении артистов Детской хоровой капеллы. В белом и с крыльями за спиной, они появляются на маленьких пластмассовых лыжах, будто паря над сценой. Впрочем, главные симпатии зрителей принадлежат все же четырем героям — по-немецки занудливому Тамино (исполняющий его партию австриец Роман Пайер — одна из наиболее удачных находок кастинга), веселому и простодушному вертепщику Папагено (Роман Шевчук), красавице Памине (Наталья Бороздина), озорной Папагене (немка Анне-Верена Шааб, спевшая свою роль почти без акцента). При всей ироничности, которой пронизана постановка, общий хор в финале создает удивительно светлое ощущение. Русская «Волшебная флейта» — безусловная удача авторов спектакля, будущая судьба которого зависит от того, кто сможет помочь ему материально.

В Маленьком мировом театре оперу Моцарта поставили в жанре вертепа Фотограф: Владимир Суворов/Газета